

№ 8—9

НАЧАЛЬНАЯ
ШКОЛААВГУСТ —
СЕНТЯБРЬ
1944

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

В. Литвинов

А. П. ЧЕХОВ

(К 40-летию со дня смерти)

СОРОК лет назад, в ночь на 15 июля 1904 г., безвременно оборвалась жизнь великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Глубоко поучительна его биография.

Чехов родился 17 января 1860 г. в Таганроге. Дед Антона Павловича по отцу был крепостной крестьянин, выкупивший себя и семью у своего помещика. Отец будущего писателя «выбил» в люди, завел собственную мелочную торговлю. Павел Егорович (так звали отца Чехова) числился «купцом 3-й гильдии» (купцы в царской России делились на гильдии, при чем 3-я была самой низшей), но его лавочка ничем не отличалась от мелких лавчонок, которые принадлежали людям, не имевшим купеческого звания. Как и другие подобные лавочки, она представляла своего рода «универсам», где продавались самые разнообразные товары: селедки и лимоны, конверты и касторка, духи и ножицы. В этой лавке приходилось торговать и будущему писателю.

Жизнь маленького Антоши сложилась несладко. Отец, человек не злой, но придерживавшийся старых взглядов, в качестве меры воспитательного воздействия применял порку даже по отношению к полувзрослым сыновьям. Об этом с горечью вспоминал потом А. П. Чехов. Но самое тяжелое для будущего писателя и его четырех братьев было другое. Павел Егорович, человек религиозный, страстно увлекался церковным пением, и это увлечение было источником постоянных страданий его детей. Вместо отдыха после дня, проведенного в школе или в лавке, им приходилось разучивать церковные песнопения, которые исполнялись и в церкви, и дома. Отец заставлял их простаивать длинные утомительные богослужения. «Мы, — позже говорил Чехов, — чувствовали себя маленькими каторжниками...» «В детстве у меня не было детства...»

После кратковременного пребывания Чехова в греческой школе, где он решительно ничему не научился, его отдали в Таганрогскую гимназию.

Как и в большинстве школ того времени, преподавание в этой гимназии носило формальный характер. Многие учителя напоминали того учителя Беликова, которого Чехов изобразил в рассказе «Человек в футляре». Лучше других как преподаватель был учитель закона божьего Покровский, человек либеральных взглядов, часто беседовавший с учащимися о литературе. Имя его связано с биографией Чехова особенно тесно потому, что это он назвал будущего писателя «Чехонте» — прозвищем, которое потом стало псевдонимом Чехова-юмориста.

Центральное место в гимназической учебе занимало изучение «мертвых» языков: латинского и греческого. И не от учителей получали гимназисты подлинные знания. Тайком от начальства они знакомились с сочинениями демократических писателей: Белинского, Добролюбова, Писарева, обсуждали вопросы общественного характера.

Чехов-гимназист был несколько в стороне от общественных интересов его товарищей. Но он не мог равнодушно относиться к несправедливостям, свидетелем которых ему приходилось быть в гимназии. Глубоко возмущал юношу Чехова случай с его товарищем евреем Волкенштейном. Последний дал пощечину своему соученику, оскорбившему его как еврея позорной кличкой. Волкенштейн был уволен, Чехов (он был на класс ниже восьмиклассника Волкенштейна) уговорил товарищей уволенного подать коллективное заявление об оставлении всем классом гимназии, если Волкенштейн не будет принят обратно. Боясь скандала, гимназическое начальство удовлетворило требование гимназистов.

Живая жизнь в большей степени, чем гимназическая учеба, была школой Чехова-мальчика и Чехова-юноши. Общение с людьми, принадлежавшими к разным слоям таганрогского общества, трудовая школа, пройденная им в детстве и ранней юности, редкие поездки в деревню помогли наблюдательному и впечатлительному Антоше накопить богатый ма-

тернал, который лег в основу многих замечательных произведений Чехова.

Огромный интерес Чехов-гимназист проявлял к театру.

Увлечение театром началось у него еще с младших классов. Дома Чехов копировал ненавистных ему учителей, разыгрывал сцену у зубного врача, сценки на базаре. Позже юноша Чехов делается завсегдатаем галерки Таганрогского театра, где была хорошая труппа, ставившая популярные тогда пьесы («Хижина дяди Тома», «Ограбленная почта», «Лев Гурвич Синичкин», некоторые пьесы Островского).

Гимназическое начальство преследовало «воспитанников» за посещение театра. И Антоше, чтобы не пострадать за нарушение правил, приходилось гримироваться,—приклеивать себе бороду, надевать очки, нахлобучивать дворничий картуз,—и в таком виде проникать на театральную галерку. Зато сколько радости давали эти посещения! Театр тоже был школой для будущего писателя, и первые его серьезные литературные опыты, видимо, не случайно относились к области драматургии (не дошедшие до нас пьесы: драма «Безотцовщина» и водевиль «О чем курица пела»).

Еще до окончания Чеховым гимназии отец его разорился и, скрываясь от своих кредиторов, бежал в Москву. Вслед за ним в Москву приехала его семья. Будущий писатель один остался в Таганроге. Три года, проведенные им в одиночестве, были очень тяжелы для юноши. Ему пришлось работать, чтобы содержать себя и посылать деньги в Москву — матери. «Бедность мучила меня, «как зубная боль», — вспоминал после Чехов. Но эти трудные годы помогли Чехову стать более сознательным, более серьезным. Именно в эти годы, много думая над окружающим, молодой Чехов воспитал в себе чувство человеческого достоинства, отвращение к фальши и пошлости, начал, как он сам выражается о себе, «выдавливать из себя по каплям раба...»

В 1879 г. Чехов становится студентом медицинского факультета Московского университета. Будущий писатель с увлечением отдается изучению медицины, тем более, что в то время в Московском университете читали лекции выдающиеся профессора (Захарьин, Склифасовский, Остроумов). Целая пропасть была между жалкими таганрогскими педагогами и блестящими учеными, которых он теперь слушал... Но скоро увлечение медициной — интерес к ней остался у Чехова на всю жизнь — отодвигается на второй план: Чехов начинает печататься как писатель.

Началом литературной деятельности Чехова мы считаем появление на страницах юмористического журнала «Стрекоза» двух его рассказов: «Письмо к ученому соседу» и «Что чаще встречается в романах, повестях и т. п.». И с этого момента в течение семи лет Чехов постоянно сотрудничает в популярных юмористических журналах («Будильник», «Развлечение», «Осколки»), автор маленьких «смешных» рассказов, которые и до наших дней остаются любимым чтением широких читательских масс. И в наши дни по радио передаются в исполнении лучших чтецов такие чеховские перлы, как «Налим», «Лоша-

дитая фамилия», «Шутка». В эти годы молодой писатель создает очень много — до 129 рассказов в год! Но эта плодовитость — результат тяжелого материального положения, в котором находились Чеховы: нужно было писать, потому что нужны были деньги, за рассказы платили гроши, а других средств к существованию у Чехова не было... Это иногда отражалось на качестве рассказов, но уже в эти годы Чехов создал такие замечательные новеллы, как «Толстый и тонкий», «Унтер Пришибеев», «Смерть чиновника», «Маска», «В бане»...

До сих пор среди читателей Чехова есть такие, которые любят его маленькие рассказы только за их юмор, за то, что они доставляют им веселые минуты. Во времена Чехова таких читателей было огромное большинство. Среди ранних новелл, подписанных именем Антоши Чехонте (или другими «веселыми» псевдонимами), действительно, есть рассказы, преследующие одну цель — смешить, но большая часть и этих ранних рассказов не только смешны, но и грустны. Сквозь не злой смех автора мы чувствуем боль и горечь за людей, лишенных человеческого достоинства, презрение к тупой сытости, пошлости, серости, невежеству, отвращение к фальши и лжи.

Не только смешон, но и трагичен короткий рассказ Чехова (написанный в 1883 г.) «Толстый и тонкий». В нем описывается встреча двух друзей детства, толстого и тонкого. Друзья не виделись много лет. Пока тонкий еще не знает, чем стал толстый, он просто, по-человечески радуется встрече с другом. Но вот он узнает, что его бывший друг — важное лицо, тайный советник. И тонкий преображается: он делается жалким, смешным, он «сжегился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки сжегались, поморщились...» Речь его делается подобострастной речью человека, привыкшего подчиняться, речью раба...

Рассказ, конечно, смешон. Но кроме смеха он вызывает в нас и тяжелые, грустные мысли. Мы испытываем к «тонкому» презрение и жалость. Нас возмущает в нем отсутствие человеческого достоинства, но в то же время мы понимаем, что не тонкий виноват в этом. Условия жизни в царской России были таковы, что они приучали «толстых» презирать и давить «тонких», а этих последних пресмыкаться перед «толстыми». Ведь «тонкие» думали, что только самоуничтожением они заслуживают право жить.

Не только смешон, но и до ужаса трагичен, страшен рассказ «Смерть чиновника»: чиновник Червяков, сидя в театре, нечаянно чихнул на лысую генерала и от страха, подленького рабского страха умер. Рассказ «В бане», где банщик принимает голого дыкона за человека «с идеями» (в те времена революционно настроенные люди часто носили длинные волосы — как и служители церкви) и извиняется перед ним за свою ошибку. Как ужасна была жизнь, когда надо было бояться «иметь идеи»!

В 1884 г. Чехов окончил университет. В этом же году он начинает работать как врач. Но его литературная деятельность не замедляет. С интересом относясь к своим занятиям

медициной (одно время он даже готовился писать большой труд по истории медицины в России), Чехов прежде всего считал себя писателем. Но вторая профессия Чехова отразилась на его литературном творчестве. Огромное число рассказов Чехова построено на материале, связанном с его врачебной деятельностью. Таков его рассказ «Беглец», действие которого происходит в больнице, «Тиф», «Палата № 6», «Случай из практики», «Враги» и множество других. Врачебная практика научила Чехова не только изображать болезни, больничный быт, больных людей; она научила его с особенным вниманием присматриваться и к здоровым людям, наблюдать и описывать их поведение, вдумываться в их поступки.

Медицинская практика сталкивала молодого Чехова с разными людьми — и это также обогащало его как писателя.

Огромную роль в жизни Чехова сыграло полученное им в 1885 г. письмо от известного писателя Д. В. Григоровича, в свое время прославившегося как автор рассказа «Антон-горемыка», направленного против крепостного права. В письме Григоровича были такие строки: «У Вас настоящий талант, талант выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения. Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который дается так редко».

Письмо старого писателя произвело огромное впечатление на Чехова. «Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе», писал он в ответном письме к Григоровичу. Но лучшим ответом на его призыв было новое, более ответственное отношение Чехова к своему творческому труду. Он стал писать меньше, но начал больше работать над каждым произведением, подвергая тщательной обработке каждую строчку, выбирая наилучшие слова и обороты для наиболее точного выражения своей мысли.

Восьмидесятые годы были для молодого Чехова временем творческого и морального роста. Выходец из мещанской среды с ее предрассудками, рабской психологией, молодой писатель в своей творческой работе, в общении с новыми, передовыми людьми изживал недостатки, привитые ему мещанской средой, рос сам и заставлял расти других и прежде всего — своих близких.

Все глубже и глубже подходил Чехов к изображаемому материалу. Все чаще в его творчестве звучат грустные ноты раздумья об окружающем, Веселый, смешной, коротенький рассказ уступает место лирическому рассказу, по объему приближающемуся к повести.

В 1887 г. в «Северном вестнике» появляется его повесть «Степь». Это история поездки мальчика Егорушки, которого везут в город учиться. По художественному мастерству, по тонкости в описовке не только главных героев, но и второстепенных лиц — эта повесть может быть поставлена в первом ряду лучших произведений русской литературы. Прекрасны картины природы и жанровые

А. П. Чехов

картинки, которых так много в повести. Чудесно описание грозы, изумительна сцена купанья Егорушки. Востороженно встретили «Степь» в литературных кругах того времени. От нее «без ума» В. С. Гаршин и «в восторге» великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин.

Но современная критика отметила один серьезный недостаток в рассказе, который признавал и сам автор.

Рассказу Чехова не хватало определенной, четкой идеи. «Степь» никуда не звала, она только заставляла радоваться, грустить, но не ставила перед читателем никаких определенных проблем. Один из критиков писал Чехову: «Читая «Степь», я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем». И как бы в ответ на упреки Чехов написал другое крупное произведение — «Скучную историю».

Герой повести — крупный ученый. Он очень много знает, но он не знает, как жить. Когда его любимица Катя в припадке отчаяния умоляет его: «Николай Степаныч! Я не могу дальше так жить... скажите, скорее, сию минуту: что мне делать...», он не может ей ничего ответить. Он глубоко не удовлетворен жизнью, но у него в жизни, «в чувствах, понятиях» нет чего-то главного, без чего нет настоящей жизни.

В образе старого профессора Чехов изобразил типичного человека своего времени. Таких лишенных «самого главного» людей было много среди культурных людей эпохи и в это время Чехов причислял к ним и самого себя. Он знал, что жизнь плоха, но не знал,

как ее исправить... В то же время в Чехове, человеке по природе очень деятельном, было сильно стремление к живому делу. Он ищет общественной работы, ищет поприща, на котором можно было бы полнее использовать свои стремления и силы.

В 1890 г. Чехов совершает поездку на остров Сахалин, который в то время был местом каторги и ссылки, проводит здесь перепись населения, изучая попутно жизнь и быт каторжан и ссыльно-поселенцев. Эта поездка дала Чехову возможность и удовлетворить свое стремление к живому делу, и собрать новый, интересный материал об одном из самых мрачных углов старой России, — материал, использованный Чеховым в его замечательной книге «Остров Сахалин».

«Сахалин, — по словам Чехова, — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили без рассуждения, варварски: мы гонили людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных смотрителей».

Чехов считал виновным в сахалинских ужасах все культурное русское общество. Но прежде всего его книга о Сахалине — обвинительный акт против русского правительства. Хотя реальных непосредственных результатов в смысле улучшения положения сахалинских ссыльных появление книги не принесло, но все же «Остров Сахалин» сыграл свою роль. Читая ее, русские люди укреплялись в ненависти к проклятому царскому режиму.

В 1892 г. появляется один из замечательнейших рассказов Чехова «Палата № 6». Это страшная повесть о докторе Рагине, посаженном в палату № 6, куда помещали умалишенных, и там погибшем. Передовые люди того времени поняли рассказ так: «Палата № 6» — это царская Россия, глухая и страшная. В. И. Ленин так говорил об этом рассказе:

«Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Живя в Москве, Чехов был лишен возможности спокойно работать. Постоянные посетители отвлекали его от литературных занятий. Это было одной из причин покупки им небольшого имения близ Москвы — Мелихова.

Начался так называемый Мелиховский период жизни Чехова.

Для него это было время усиленной работы — общественной, «агрономической», литературной, врачебной.

В 1892 г. во время холерной эпидемии Чехов заведует холерным участком в Мелихове: — «ловил, — по его выражению, — за хвост холеру». Активно участвует в работе земства. В качестве попечителя принимает участие в жизни школ, на свои средства строит школу в селе Новоселки. В 1897 г. работает в качестве заведующего счетным участком при проведении всероссийской переписи. Много работает в Мелиховском саду, и при всем том очень много пишет.

В Мелихове им написаны такие замечательные рассказы, как «Учитель словесности», «Мужики», «Дом с мезонином», «Анна на шее», «Попрыгунья», «Черный монах», «Скрипка Ротшильда», «Моя жизнь», пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня». Рассказ «Мужики» произвел огромное впечатление на современников Чехова. Он не сгустил красок, он просто описал то видел около себя, и картина получилась страшная.

Никто до Чехова не показал жизни пореформенной деревни так правдиво, как Чехов «Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее», — так характеризует писатель жизнь русской деревни 90-х годов. Рассказ «Мужики» очень ценили за правдивое изображение деревни русские марксисты. В Мелихове замечательный талант Чехова и его художественное мастерство достигли своей вершины. Много работая над своими произведениями и очень много времени уделяя общественной работе, Чехов с увлечением отдавался и физическому труду. Он любил и умел работать. Силами его и других членов семьи запущенная мелиховская усадьба была превращена в цветущий сад. В пьесе «Дядя Ваня» один из героев, доктор Астров, говорит: «Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется, гордостью...»

И мы с уверенностью говорим, что эти слова своего героя Чехов мог бы повторить и от своего лица..

Чехов, этот неутомимый, энергичный, живой человек, еще со студенческих лет был тяжело болен.

У него был туберкулез легких. Время от времени страшная болезнь давала себя знать: у Чехова бывало кровохарканье. Чуткий к другим, он был невнимателен к своему здоровью, и болезнь прогрессировала.

Резкое ухудшение наступило в 1897 г. Весной в течение двух недель он пролежал в больнице, а на зиму уехал лечиться за границу. Здесь, живя на юге Франции, он стал свидетелем борьбы, разгоревшейся между реакционными и прогрессивными кругами в связи с делом Дрейфуса. Офицер французской армии Альфред Дрейфус, еврей по национальности, был ложно обвинен в шпионаже. В защиту Дрейфуса — против реакционеров — выступил знаменитый французский писатель Эмиль Золя. И вот Чехов самым решительным образом открыто и смело присоединяет свой голос к Золя, которого называет «благородной душой».

Это выступление Чехова было не просто признанием гнусности того, что делают враги прогресса; оно было активным протестом против них...

Обострение туберкулеза вынудило Чехова переселиться в Крым, в Ялту. Он продал усадьбу в Мелихове, купил участок земли в Ялте и в 1898 г. переселился на юг.

Необходимость жить в Крыму не радовала Чехова. Как раз в 1898 г. в Москве был создан новый театр — Художественный. С этим театром, с его руководителями К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко Че-

хов сразу сблизились. Художественный театр, открытие которого состоялось осенью 1898 г., готовил к постановке его пьесы «Чайка». Чехов чувствовал большой интерес к работе театра и собирался дать ему несколько новых пьес.

Вынужденное переселение в Ялту разлучало его с его новыми друзьями, с новым театром, с Москвой, с кипучей жизнью большого города. Это было тем более печально для Чехова, что именно в эту пору он все более внимательно присматривался к тем общественным силам, которые должны были создать новую Россию, привести Россию к «яркой звезде», в которую твердо уверовал Чехов. Именно в эту эпоху, наряду с критикой отрицательных сторон русской жизни, почти во всех его произведениях мы находим сильно звучащие ноты глубокого, все усиливающегося оптимизма.

Последние шесть лет жизни Чехов был мучительно болен. Но как раз эти шесть лет наиболее богаты событиями — и печальными, и радостными. Радостными были его встречи с великими русскими писателями — Львом Толстым и Алексеем Максимовичем Горьким. Между Горьким и Чеховым завязалась настоящая большая дружба, отражением которой явилась их переписка, их письма, поражающие богатством и оригинальностью мыслей.

Радостным событием была его женитьба на артистке Художественного театра Ольге Леонардовне Книппер (в настоящее время народная артистка СССР), которая своей дружбой и любовью осветила последние годы жизни великого писателя, облегчила его тяжкие физические страдания.

Радостным был огромный успех, с которым встречали зрители постановки его пьес в ставшем для Чехова родном Художественном театре.

Печальным событием был так называемый «академический инцидент», связанный с Горьким. В 1900 г. несколько крупных писателей и в их числе Чехов были избраны в члены Академии наук. В 1902 году в почетные академики был избран и Горький. Об этом было должено царю Николаю II. Возмущенный избранием в Академию революционного писателя, царь на донесении о выборах наложил резолюцию — «Более, чем оригинально». Избрание было объявлено недействительным. Тогда, в знак протеста, Короленко и Чехов объявили о своем отказе от звания академиков. Чехова этот инцидент глубоко возмутил. Но смелый протест его против беззаконного акта правительства и Академии еще больше привлек к Чехову симпатии демократических кругов.

В последние годы жизни основное внимание Чехов уделял драматургии. В эти годы им написаны две пьесы «Три сестры» и «Вишневый сад», замечательнейшие создания чеховской драматургии, навсегда вошедшие в репертуар русского театра.

В этих пьесах наиболее четко видны те особенности чеховской драматургии, которые дали повод назвать ее «драматургией настроения».

В пьесах Чехова мало действия, мало острых, захватывающих событий, но они трогают нас, завладевают нами глубже, чем иная пьеса с увлекательным, острым сюжетом. Ге-

рои чеховских пьес говорят о простых, порой незначительных вещах, то смеются, то плачут, то радуются, то грустят — как в жизни, иной раз все действие происходит в обычных разговорах, но зритель чувствует за простыми словами совершающуюся в людях трагедию. Большую роль в чеховских пьесах играют паузы, музыка, все, что содействует созданию у зрителей определенного настроения, помогающего понять, почувствовать глубокий смысл пьесы.

Чехов говорит:

«Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни, люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбивается их жизнь».

Но не только особенностями своей формы ценны были пьесы Чехова для его современников. В последних его пьесах с необычайной для Чехова силой звучит наряду с осуждением прошлого глубокая вера в прекрасное будущее нашей страны и всего человечества.

Кроме пьес и в этот, последний период жизни Чехов писал рассказы. Между 1898 и 1903 гг. появились такие острые и глубокие вещи, как «Человек в футляре», «Ионыч», «В овраге» и самый бодрый рассказ Чехова «Невеста», история девушки, смело порвавшей с родным городом, с женихом и без разрешения родных уехавшей учиться в Москву. Последняя пьеса Чехова «Вишневый сад» была поставлена незадолго до его смерти.

Он умер в Германии, вдали от любимой родины, в городке Бадевейлере.

Тело Чехова было перевезено в Москву и похоронено на Новодевичьем кладбище...

Почитатели его таланта поставили Чехову в городке, где он умер, памятник. В начале первой мировой войны предстатели социал-демократии, германские фашисты, немецкие шовинисты уничтожили памятник великому русскому писателю, употребив бронзу, из которой он был сделан, на «военные нужды».

Такова была недолгая жизнь великого писателя и большого человека, который так удивительно просто умел изображать маленьких людей, великого трудолюбца, который с таким талантом описывал жизнь людей праздных и бездельных.

Еще при жизни Чехов пользовался огромной популярностью среди широких читательских кругов. Но только незначительная часть читателей знала его как автора «больших» рассказов — «Степи», «Дома с мезонином», «Моей жизни». Большинство же имя Чехова связывало со смешными рассказами вроде «Случая с контрабасом», «Налима», «Лошадиной фамилии». Между тем, для зрелого Чехова характерны не столько небольшие юмористические новеллы, сколько большие лирические рассказы, где преобладают грустные ноты. Несомненно, однако, что более поздние рассказы в гораздо большей степени, чем ранние, проникнуты верой в человека, верой в жизнь.

В ранних новеллах Чехова преобладают характеры пошлые, пустые, подлые, жалкие, рабские. В лучшем случае только жалость возбуждают они во вдумчивом читателе. Мы жалеем извозчика Иону («Тоска»), Дениса Григорьева («Злоумышленник»), но юниги

когда не становятся нам близки, дороги, мы не можем полюбить их, слиться с ними.

Иное дело поздние рассказы Чехова. Не просто жалок Соломон в «Степи», странный чудак, сжегший из презрения к деньгам полученные в наследство шесть тысяч. Глубокое сочувствие охватывает нас, когда мы читаем печальную историю «Учителя словесности», или героя «Моей жизни». Пусть многие из этих печальных героев сами виноваты в своих ошибках, но мы не можем не видеть их хороших, человеческих качеств..

В поздних рассказах Чехова и особенно тех, которые написаны в 90-х и 900-х годах, все более и более — может быть, иногда помимо воли их автора — подчеркивается подлинная причина подлости и пошлости человеческой, которую так беспощадно осмеивал Чехов. Плохи не столько люди, сколько условия, делающие их плохими, — вот что говорит своими рассказами писатель. Это чувствуется, например, в таком рассказе как «Мужики», «Ионыч», печальная история умного, хорошего врача, которого засосала серая тина провинциальной жизни..

Чехов страстно любил людей. Он умел изображать не только пошлых, жалких и дурных людей с их мелкими, убогими чувствами и мыслишками. Среди его героев — даже в рассказах 80-х годов встречаются люди, умеющие глубоко чувствовать, люди щедрые, добрые и самоотверженные.

Может быть, во всей русской литературе нет более яркого изображения неуемной, безмерной человеческой радости, простого человеческого счастья, какое мы находим в чеховском рассказе «Степь». Удивительно передана речь этого счастливого, Константина Звоника, не знающего, куда ему деваться от полноты охватывших его светлых чувств, «каждущего поскорее излить их первым встречным: «Там такая хорошая, да славная, такая хохотунья, да певунья, что просто чистый порох! При ней голова ходором ходит, а без нее вот словно потерял что, как дурак по степу хожу»... — говорит Константин о своей молодой жене и мы чувствуем, что и нас заражает его огромная, радость.

Глубокую симпатию вызывает в нас пежная, искренняя и несчастная Мисюся в рассказе «Дом с мезонином» или Клеопатра в «Моей жизни». Трогательны герои «Невесты» — честный, умный и добрый Саша и хорошая русская девушка Надя, и бедная Липа, маленькая героиня повести «В овраге».

Показывая этих людей (а им подобных много в «больших» рассказах Чехова), писатель укрепляет веру читателей в человека, в русского человека прежде всего, потому что лучшие герои Чехова наделены теми чертами, которые характерны для русских людей. Но раз есть на Руси хорошие люди, — не может не возродиться она, — такой вывод сам собой напрашивается у читателя..

Очень хорошо знал об этом друг Чехова Алексей Максимович Горький:

«Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

Бодрость, все отчетливее звучавшая в творчестве Чехова последних лет, несомненно, яви-

лась отражением того нового, что видел Чехов в окружающей жизни. Он был далек от рабочего движения, но он во всем видел близость перемен. Писатель, в чьем творчестве так широко и глубоко отразилось все пошлое, гнусное, рабское, что было в русской жизни — и в дворянстве, и в мещанстве, и в новой буржуазии, и в крестьянстве, уверенно провозгласил неизбежность прихода жизни новой и прекрасной.

«Мы идём неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!» — говорит герой «Вишневого сада» Петя Трофимов, и его слова звучат как лейтмотив последних страниц чеховского творчества.

Чехов, русский писатель, глубоко и горячо любил свою родину. Он верил в нее, верил в великие возможности, тающиеся в русских людях.

«Иной раз, — говорит один из героев «Вишневого сада» Лопахин, — когда не спится и думаю: Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и живя тут, мы сами должны быть великанами»... Эти слова чеховского героя перекликаются с исполненными глубокой веры в Русь словами Гоголя в «Мертвых душах». А какой гордостью дышат в том же «Вишневом саду» слова Трофимова: «Вся Россия наш сад!».

Но, может быть, лучше всего вера в Россию выражена в одном из последних рассказов Чехова «В овраге» — в горячей речи старика-крестьянина, утешающего Липу.

«Жизнь долгая, — говорит он, — будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия!... Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Вот и помирать не хочется, милая, еще бы годочков двадцать пожил; значит, хорошего было больше. А велика матушка Россия!».

Цитируя эти чеховские строки, Горький добавляет:

«И огромные родятся в ней таланты прекрасные, глубокие сердца в ней есть! Будем верить, что хорошего не только было больше, но и будет больше»..

По-тургеневски любил Чехов простую русскую природу и по-тургеневски тонко изображал ее. Чехов умел несколькими штрихами нарисовать яркую картину. Эта способность проявлялась и когда Чехов изображал людей, и когда живописал природу. Его пейзажи лиричны, светло-грустны и обычно помогают нам понять переживания человека.

Незабываем чудесный, простой русский пейзаж на последних страницах «Мужигов». Ольга и Саша пешком идут в далекую Москву. Солнце поднялось высоко, стало жарко... Идти было в охотку, Ольга и Саша скоро забыли и про деревню, и про Марью, им было весело, и все развлекало их. То курган, то ряд телеграфных столбов, которые друг за другом идут неизвестно куда, исчезая на горизонте, и проволоки гудят таинственно; то виден вдали хуторок весь в зелени; потягивает от него влагий и коноплей и кажется почему-то, что там живут счастливые люди; то лошадиный скелет, одиноко белеющий в

путь. А жаворонки заливаются неугомонно, перекликаются перепела; и дергач кричит так, будто в самом деле кто-то дергает за старую, железную скобу». Какое это все русское, родное, наше, и радостное, и грустное — вместе.

Прошло сорок лет со дня смерти Чехова, навсегда ушла жизнь, так глубоко и широко отраженная в творчестве великого писателя, но его рассказы попрежнему читают миллионы читателей, его пьесы смотрят, затаив дыхание, тысячи зрителей. Нет, не попрежнему: во много раз больше читают и смотрят Чехова в наши дни...

В чем же причина огромной популярности Чехова, неослабевающего интереса к нему современного советского читателя.

Мы ценим его за то, что в своих рассказах и пьесах Чехов дал нам правдивую картину старой России, отразив в своих рассказах жизнь дворянства, чиновников, буржуазии, интеллигенции, мещанства, крестьянства и даже духовенства. Читая Чехова, мы узнаем, какова была жизнь в старой, царской России. Но и этим значение Чехова для нас не исчерпывается.

В нашей жизни даже в героическую эпоху Великой Отечественной войны порой дают себя знать пережитки старого, и Чехов помогает нам разоблачать их.

Чехов дорог нам как один из тех больших людей прошлого, которые своим трудом подготовили, расчистили путь к будущему. Не будучи сам революционером, Чехов своим творчеством помог поколению борцов глубже изучить то зло, которое надо было уничтожить, чтобы привести Россию к освобождению. Отрицая «старую жизнь», Чехов тем самым призывал к коренной перестройке ее.

Чехов ценен для нас как художник слова, в совершенстве постигший тайны владения им, создавший свою особую манеру письма, свой стиль простой, лаконичный, скупой, но выразительный.

Чехов горячо любил жизнь и людей, и те страсти, где он дает образы чутких, добрых и хороших людей или рисует картины человеческой радости («Степь», «Невеста», «Моя жизнь»), бодрят нас, укрепляют нашу веру в человека, веру, оправдываемую всей советской действительностью.

Любя жизнь и людей, Чехов умел проникать в человеческие сердца, умел изображать человеческие чувства: дружбу, любовь, тоску о лучшем, скорбь об умершем. Эти чувства он изображал так, что читая сейчас лирические рассказы и смотря его пьесы, мы пере-

живаем эти чувства вместе с героями. И, переживая учимся более чутко, более вдумчиво относиться к этим чувствам, быть более чуткими к человеческому горю и радости. А если чувство, изображаемое Чеховым, близко к переживаемому нами, чтение Чехова заменяет нам беседу с вдумчивым чутким другом. Творчество Чехова учит сильнее любить жизнь и ненавидеть пошлое и дурное, что мешает жизни и людям быть прекрасными.

Наши вожди — Ленин и Сталин неоднократно пользовались образами Чехова в борьбе с политическими противниками.

Для советского учителя творчество Чехова имеет еще особую ценность. Чехов — наш помощник в трудном деле воспитания детей. Многие из его произведений стали хрестоматийными и вошли в программу начальной школы («Каштанка», «Ванька»). Во многих рассказах, написанных отнюдь не для детского чтения, Чехов изобразил детей. В центре «Степи» образ мальчика Егорушки. Дети изображены в таких замечательных рассказах, как «Спать хочется», «Дома», «Репетитор», «Не в духе», «Устрицы», «Детвора», «Событие», «Гриша», «Беглец», «Мальчишки», «Мужики», «Тайный советник» и во многих других рассказах Чехова. Психология ребенка показана в этих рассказах с изумительной тонкостью.

Чехов тонко проникает в самую глубину души ребенка, он понимает его, умеет объяснить его поведение, его чувства, его мысли. В этом отношении превосходны такие рассказы, как «Гриша», «Детвора», «Мальчишки», «Дома». Учитель должен читать и изучать эти рассказы, чтобы лучше понимать психологию детей, которых он воспитывает. Особый интерес для учителя представляет рассказ «Дома». В рассказе изображено столкновение двух психологий — взрослого человека и детской, наивной, но по-своему сложной и чуждой взрослому, хотя этот взрослый — отец. Рассказ заставляет читателя задуматься о том, как трудно взрослому проникать в психологию ребенка, как важен осторожный, глубокий подход к детям...

Произведения Чехова учат нас подходить к человеку — к ребенку и взрослому, учат нас глубоко понимать человека, а без такого понимания нельзя быть учителем, нельзя быть педагогом.

Велик и ценен вклад Чехова в сокровищницу русской культуры, и поэтому в дни нашей борьбы за нее мы — наряду с великими именами Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького — с любовью и уважением произносим имя нашего Чехова.